

БИОГРАФИЧЕСКИЙ МЕТОД

Девятко И.Ф. Методы социологического исследования. Екатеринбург, 1994.

Определение и истоки биографического метода в социологии Биографические данные в социологии — это основной источник детальных и мотивированных описаний «истории» отдельной личности. И значимые социальные связи, и мотивы действий получают здесь убедительное освещение «с точки зрения деятеля». Чаще всего источником биографических данных становятся личные документы (мемуары, записки, дневники и т. п.) либо материалы интервью и бесед. Лишь в очень редких случаях исследователь имеет дело с жизнеописанием, включающим в себя все события «от первого крика до последнего вздоха». Обычно основное внимание уделяется конкретным аспектам или стадиям жизни — карьере, межличностным отношениям и т. п. Некоторые авторы даже предлагают взамен широко употребляемых терминов «биографический метод» или «история жизни» использовать термин «история отдельного случая» («individual case history»), подчеркивающий избирательный, селективный характер жизнеописания. В социологии «истории жизни» чаще всего использовались для изучения социальных меньшинств — тех групп, которые довольно трудно поддаются пространственной и временной локализации (и, следовательно, менее доступны для масштабных выборочных обследований). В 1920-1940-х гг. биографический метод широко применялся представителями Чикагской школы. Так, например, в 1920-е гг. чикагский социолог К. Шоу изучал подростковую преступность, используя написанные по его просьбе автобиографические заметки юного правонарушителя, дополненные полицейскими и судебными документами, результатами медицинских освидетельствований и т. п. Всю совокупность этих данных он рассматривал как «историю случая» (См.: Hakim C. Research Design: Strategies and Choices in the Design of Social Research. L.: Alien & Unwin, 1987. P. 65-66. 2 Shaw C. R. The Jack-Roller. A Delinquent Boy's Own Story. Chicago: The University of Chicago Press, [1930] 1966; Shaw C. R. The Natural History of a Delinquent Career. Chicago: The University of Chicago Press, 1931. 44.). Биографический метод имеет очень много общего с методом включенного наблюдения и по сути является еще одной разновидностью этнографического подхода к «анализу случая». Отличием биографического метода можно считать большую сфокусированность на уникальных аспектах истории жизни человека (иногда — группы, организации) и на субъективном, личностном подходе к описанию человеческой жизни, карьеры, истории любви и т. п. В центре внимания социолога здесь оказывается документальное, или устное, описание события с точки зрения самого «случая», т. е. те сведения, которые в медицине называют субъективным анамнезом. Как и метод включенного наблюдения, биографический метод имеет «этнографические» корни. Культурные антропологи и историки часто опирались (и опираются) на «устные истории» или дневниковые записи и мемуары, когда им приходится изучать

соответственно «доисторические», не имеющие письменной традиции сообщества, либо «закулисные» политические механизмы. Еще очевиднее тот вклад, который внесли в развитие биографического метода документальная журналистика и мемуаристика. (Достаточно вспомнить о столь раннем примере использования сравнительно-биографического метода, как «Жизнеописания» Плутарха.) Первой собственно социологической работой, «узаконившей» использование личных документов, писем и автобиографий в анализе социальных процессов, стала опубликованная в 1918-1920 гг. книга У. Томаса и Ф. Знанецкого «Польский крестьянин в Европе и в Америке». Один из томов этой книги составила автобиография польского эмигранта Владека, описавшего свой путь из провинциального Копина в Чикаго. Этот путь включил в себя и учебу в деревенской школе, и работу помощником в лавке, и выезд в Германию в поисках заработка, предшествовавшие эмиграции в США. Томас и Знанецки первыми выступили с обоснованием использования биографического метода в рамках интерпретативного подхода в социологии. Они полагали, что социальные процессы нужно рассматривать как результат постоянного взаимодействия сознания личности и объективной социальной реальности. В этом взаимодействии личность и «ее» определения реальности выступают и как постоянно действующий детерминант, и как продукт социального взаимодействия. Следовательно, изучение сознания и самосознания – необходимое условие анализа социального мира. Кроме того, Томас и Знанецки предполагали, что исследование, базирующееся на «историях жизни», позволит выйти к более широким обобщениям, касающимся социальных групп, субкультур, классов и т. п. Н. Дензин дал одно из самых популярных определений биографического метода (метода «историй жизни», «жизнеописаний»): «...биографический метод представляет переживания и определения одного лица, одной группы или одной организации в той форме, в которой это лицо, группа или организация интерпретируют эти переживания. К материалам жизненной истории относятся любые записи или документы, включая „истории случая“ социальных организаций, которые проливают свет на субъективное поведение индивидов и групп. Такие материалы могут варьировать от писем до автобиографий, от газетных сообщений до протоколов судебных заседаний» (Denzin N. *The Research Act. A Theoretical Introduction to Sociological Methods*, 3rd ed. Englewood Cliff: Prentice Hall, 1989. P. 183.). Предположение о необходимости учета «перспективы деятеля», его смыслового горизонта и определения ситуации играет ведущую роль при использовании биографического метода. Так как целью здесь в конечном счете оказывается понимание тех или иных аспектов «внутреннего мира» субъекта, необходимым становится и предположение о том, что исследуемые располагают достаточно сложной структурой субъективного опыта и способны отделить собственный «образ Я» от образа окружающего мира, способны «воспринять себя в качестве активного субъекта своей собственной истории жизни, отличного от социального мира» (См.: Kohli M. *Biography: Account, Text, Method // Biography and Society*. Beverly Hills, 1981. P. 164.). Следующая фундаментальная особенность биографического метода – его направленность на воссоздание исторической, развернутой во времени, перспективы событий. Используя биографический метод, социолог становится в некотором роде социальным историком. История социальных институтов и социальных изменений здесь раскрывает себя через рассказы людей об их собственной жизни. Это открывает дополнительные возможности для пересмотра «официальных» версий истории,

написанных с позиций властвующих классов и групп и сопоставления этих версий с основанным на повседневном опыте знанием социальной жизни, которым располагают непривилегированные и «безгласные» социальные группы. «Кто говорит и кого слушают – это политические вопросы; факт, становящийся особенно очевидным, когда голос получают люди, обладающие низким статусом и властью» (См.: McCall M. M., Winner J. *The Good News about Life History* // Becker H. S., McCall M. M. (eds.) *Symbolic Interaction and Cultural Studies*. Chicago: The University of Chicago Press, 1990. P. 47. 4bid. P. 66. 46.). Вот, например, как описывает свои отношения с начальством женщина-работница, проинтервьюированная Дж. Уитнер в ходе исследования «биографии» игрушечной фабрики в Чикаго (эта работа, кстати, может служить примером использования биографического метода в исследовании организаций): «Один мастер — он прежде служил лейтенантом или еще кем-то там в армии — все время доводил работавших на его участке контролеров качества до слез, потому что он кричал на них и они расстраивались. (Вопрос: Почему он кричал на них?) Потому что они отказывались что-нибудь делать, а он не терпел, чтобы кто-то отказывался на его участке, и мы тушевались. Он накричал на меня. Я сказала ему, что мне наплевать. Тогда он побежал к начальству, чтобы пожаловаться, что я вела себя непочтительно. Он хотел от меня объяснительной. Но разве кто-то не покрикивал на меня? Я не собака». Особое внимание проблеме предоставления права голоса «безгласным» уделяет традиция символического интеракционизма. Здесь эта проблема рассматривается не столько в политическом, сколько в теоретическом аспекте. Предполагается, что во всяком обществе существует определенная «иерархия правдоподобия» в производстве и распространении значений и социального знания. Те, кто находятся на «верхнем этаже» этой иерархии, имеют преимущество в формулировке правил, используемых для приписывания смысла действиям и определения ситуации. В результате кто-то диктует правила и нормы в соответствии со своими интересами, а кто-то, также следуя своим интересам, нарушает эти правила и нормы, оказываясь в положении аутсайдера, маргинала или преступника. Если социолог принимает одну, господствующую точку зрения при описании фрагмента социальной реальности, он заведомо игнорирует те интересы, знания и смыслы, которые определяют поступки другой стороны. Биографический подход с точки зрения символического интеракционизма увеличивает шансы исследователя в понимании нестандартных или «отклоняющихся» от общепринятого смысловых перспектив, хотя именно в этом случае его нередко обвиняют в одностороннем или тенденциозном анализе: «Когда мы обвиняем себя или коллег-социологов в необъективности? Я думаю, что рассмотрение типичных примеров показало бы, что эти обвинения возникают – если обратиться к одному важному классу таких случаев, — когда исследователь оказывает сколько-нибудь серьезное доверие перспективе подчиненной группы в некоем иерархическом отношении. В случае девиантов таким иерархическим отношением оказывается отношение морали. Здесь в положении превосходства оказываются те участники отношения, которые представляют силы официальной и одобряемой морали, а подчиненными становятся те, кто якобы нарушил эту мораль... (другими словами), обвинения в предвзятости, относящиеся к нам или к другим, провоцируются отказом проявлять доверие и почтение к сложившемуся статусному порядку, где право быть услышанным и доступ к истине распределены неравномерно» (Becker H. S. *Sociologies! Work*. Chicago: Aldine, 1970. P. 125-126). Естественно предположить, что направленность биографического метода на то, чтобы

представить субъективный опыт деятеля через его собственные категории и определения, требует какого-то переосмысления критериев объективности исследования. Действительно, социолог здесь должен прежде всего определить, какова «собственная история», личная трактовка субъекта. То, как субъект сам определяет ситуацию, в данном случае важнее, чем то, какова ситуация «сама по себе». Эта «собственная история» может и должна быть дополнена сведениями о том, как определяют ситуацию другие участники. Сопоставление точек зрения и сведений, полученных с помощью разных методов и (или) из разных источников, позволяет полно и достаточно объективно воссоздать не только внешнюю картину событий, но и их субъективный смысл для участников. Такой тип исследовательской стратегии в социологии принято обозначать как множественную триангуляцию *. (Термин «триангуляция» призван подчеркнуть сходство со способом определения удаленности или месторасположения некоторого объекта, используемым в геодезии или радиопеленгации.) Множественная триангуляция помогает в анализе различающихся определений ситуации, относящихся к одним и тем же элементам опыта (См.: Webb E. J., Campbell D. T., Schwartz R. D., Sechrest L. *Unobtrusive Measures: Nonreactive Measure in the Social Sciences*. Chicago: Rand McNally, 1966, а также Denzin N. *Op.cit.Ch.*).

Сбор биографического материала

Любой устный или письменный рассказ субъекта о событиях его жизни может рассматриваться в качестве биографического материала. При определенных условиях для воссоздания «истории жизни» могут использоваться и вторичные источники — мемуары других лиц, письма, официальные документы и т. п. Например, если обратиться к исследованиям «истории жизни» организаций, К. Литлер изучал трудовые отношения в двух британских компаниях в 1930-е гг. Интервьюирование профсоюзных активистов, участвовавших в событиях того времени, было дополнено материалами архивов этих компаний и газетными сообщениями, касавшимися трудовых конфликтов, которые там происходили (Littler C. R. *The Development of Labour Process in Capitalist Societies: A Comparative Study of the Transformation of Work Organization in Britain, Japan and the USA*. L.: Heinemann, 1982. P. 117-145).

В недавнем совместном исследовании британских и российских ученых (Реструктурирование занятости и формирование локальных рынков труда в России: Научный доклад. М.: ИСИТО, 1996. " Подробнее см., например: Thompson P. *The Voice of the Past: Oral History*. Oxford: Oxford University Press, 1978; Gardner G. B., Adams G. R. *Ordinary People and Everyday Life: Perspectives on the New Social History*. Nashville: American Association for State and Local History, 1983. 12 См.: Conwell C., Sutherland E. H. *The Professional Thief*. Chicago: The University of Chicago Press, 1937. 48.) изучалась, в частности, кадровая политика на предприятиях разного типа («неблагополучных», «благополучных», «новых»). Помимо анализа документов кадровой и экономической статистики использовались полуструктурированные интервью с работниками предприятий, основной темой которых стали трудовые биографии респондентов (всего было проведено 260 интервью на 12-ти предприятиях). Важно, однако, различать биографические (автобиографические) истории и так называемые устные истории. «Устная история» — это фактуально точное воссоздание определенных исторических событий. В ее фокусе — не субъективный опыт деятеля, а историческое знание о событиях, процессах, движущих силах и причинах. Устные истории, рассказанные участниками событий, используются для накопления такого исторического и

фактического знания. Историческое знание «с точки зрения очевидца» необходимо, например, антропологу, стремящемуся воссоздать историю разделения труда между соседними племенами или историю вражды между кланами. Историк — представитель школы «Новой социальной истории» — также сможет использовать устные истории, например, описывая бурные политические изменения «снизу» как изменения «повседневной жизни простых людей». В социологии принято различать три основных типа «историй жизни»: полные, тематические и отредактированные. Полная «история жизни» в идеале очерчивает весь жизненный опыт субъекта — от колыбели до могилы (что само по себе не требует большого объема и степени детализации). Тематическая «история жизни» отличается от полной тем, что она относится преимущественно к одной стороне или фазе жизненного цикла субъекта. Например, Э. Сазерленд написал книгу о профессиональной карьере «вора в законе», который выступил в качестве соавтора произведения 12. Сазерленд подготовил опросник, позволивший структурировать письменный рассказ своего соавтора, провел ряд дополнительных интервью и прокомментировал получившуюся «историю жизни». Однако он не использовал никакие дополнительные источники. Отредактированная «история жизни» может, вообще говоря, быть и полной, и тематической. Ее основная особенность — ведущая роль социолога-интерпретатора, явно организующего биографический материал в соответствии с теоретической логикой, избирательно редактирующего и интерпретирующего исходный рассказ (или рассказы) субъектов для того, чтобы ответить на поставленные в исследовании вопросы. Нередко множество отредактированных «историй жизни» становится иллюстративным или доказательным материалом в теоретическом по сути исследовании. Примером может служить знаменитая работа И. Гофмана «Стигма». Под «стигмой» здесь понимается свойство (атрибут), рассматриваемое как порочащее, неуместное для представителя определенной социальной категории и отличающее его от социально определяемой «нормы» (например, значительный физический дефект, моральное «уродство» наподобие алкоголизма, принадлежность к «не той» расе и т.п.). Так, в главе, посвященной типам «духовной карьеры» стигматизированных людей, Гофман использует десяток различных автобиографических источников, мемуаров, «жизненных историй», чтобы показать, как влияют на личностную идентичность время и обстоятельства осознания субъектом своей стигмы, ее очевидность для окружающих и т. п. Субъектами «жизненных историй» здесь оказываются и человек, заболевший в юности полиомиелитом, и профессиональная проститутка, и слепая девушка, и гомосексуалист. Основными источниками биографических данных, как уже говорилось, служат, помимо опросов и интервью, публичные и частные архивные материалы. Интервью, опросники и дословные записи устных сообщений неизменно играют ведущую роль в получении значимых для социологии «историй жизни». Их применение гарантирует релевантность получаемых сведений той теоретической проблеме, которая стоит перед социологом (хотя эта «социологическая релевантность», по мнению некоторых, достигается ценой меньшей спонтанности и непосредственности изложения). Процедуры интервьюирования и опросники, используемые в этом случае, по сути отличаются от традиционных для социологии лишь тем, что они отчетливо структурированы временной перспективой человеческой жизни как целого. Опросник, или «биографический путеводитель», используемый при интервьюировании, позволяет субъекту упорядочить свой рассказ и уделить достаточное внимание всем фазам

жизненного цикла (детство, юность и т. п.) и всем сферам жизненного опыта (семья, карьера и т. п.), которые значимы для него и (или) интересуют социолога. Помимо того, что опросник или тематический путеводитель позволяют не позабыть или не пропустить существенные сведения, они полезны и самому исследователю как средство отчетливой и явной операционализации тех понятий, которые он собирается использовать в теоретическом анализе. Заметим здесь, что нередко биографический материал собирается в ходе вполне традиционного выборочного обследования. В большинстве случаев выборка такого исследования представляет какую-то возрастную когорту или профессиональную группу. Разумеется, исходя из практических соображений стоимости широкомасштабного интервьюирования и доступности «редких» совокупностей (см. гл. 6), исследователи чаще всего ограничиваются квотной выборкой. Например, в осуществленном в 1970-е гг. исследовании социальных изменений в канадской провинции Квебек, было собрано 150 биографических интервью с теми, кто начинал свою профессиональную карьеру в 1940-е гг. Даже в тех случаях, когда социолог проводит серию глубинных («клинических») интервью без использования жесткого плана беседы или «путеводителя», он ориентируется на какую-то совокупность теоретически значимых тем, пунктов беседы и постоянно возвращается к их обсуждению. В качестве примера мы можем использовать известную работу «отца-основателя» этнометодологии Г. Гарфинкеля, посвященную анализу «индивидуального случая» изменения полового статуса (Garfinkel H. *Passing and the Managed Achievement of Sex Status in an «Intersexed» Person. Part 1* (in collab. with R. J. Stoller) // *Studies in Ethnomethodology*. Cambridge, [1967] 1984. P. 116-185. 50). Основным эмпирическим материалом здесь — это многочисленные интервью с Агнессой, девятнадцатилетней девушкой, рожденной и воспитывавшейся до 17 лет как мальчик и сознательно решившей сменить пол. Агнесса к моменту поступления в университетскую клинику уже два года жила в облике девушки и успешно скрывала от окружающих свой секрет. По ее собственным словам и некоторым косвенным данным, она всегда хотела стать нормальной женщиной и ощущала себя девушкой, рассматривая свои нормальные мужские гениталии как «злую шутку природы», превратность судьбы. С точки зрения генетики, анатомии и эндокринного статуса Агнесса представляла собой редкий случай «чисто гормональной» (тестикулярной) феминизации в подростковом возрасте: физиологически и анатомически нормальные мужские органы соседствовали с вполне отчетливыми женскими вторичными половыми признаками, и внешне, для неосведомленных наблюдателей, Агнесса выглядела как привлекательная юная девушка. Конечно, Гарфинкеля интересовал не сам по себе «медицинский случай». Его интересовала та тонкая социальная «работа», направленная на достижение и сохранение избранного сексуального статуса, которую приходилось осуществлять Агнессе. Любая ошибка, нарушение нормативных ожиданий окружающих, отклонение от «социально-понятных» ролевых моделей привели бы Агнессу к краху ее идентичности и к полной маргинализации. Однако Агнесса не только «управилась» с необходимостью вести обычный, социально-принятый образ жизни молодой девушки, иметь подруг и поклонников и т. п., но и добилась сложной хирургической операции, которая позволила избавиться от мужских гениталий и обрести — средствами пластической хирургии — «минимальный анатомический набор», необходимый, чтобы стать «обычной женщиной» (конечно, лишенной собственно репродуктивной функции). Именно сложная «жизненная история» Агнессы дала возможность проанализировать те механизмы конструирования

и поддержания «правильного», рационального и «объяснимого с точки зрения других людей» статусноролевого поведения, которые в повседневной жизни «нормальных» мужчин и «нормальных» женщин не осознаются и действуют автоматически. Гарфинкель в беседах с Агнесой постоянно обращался к тем темам («пунктам») ее биографии, которые позволяли пролить свет на определенные теоретические проблемы: «наивное» восприятие разделения полов как однозначного, абсолютного и морально-нагруженного порядка вещей; идентификация сексуального статуса посредством культурно-детерминированных знаков отличия, воспринимаемых в обыденном сознании как естественные и т. п. Одной из тем, интересовавших исследователя, была тема ретроспективного конструирования личностью согласованной с избранным статусом автобиографии: все события, поступки, атрибуты, отношения прежней жизни Агнессы, воспитывавшейся в качестве мальчика, последовательно интерпретировались ею как история «ошибочно воспринимавшейся окружающими в качестве мальчика» девочки. Разумеется, такая автобиография была не лишена каких-то пропусков и труднообъяснимых фактов, но в главном отличалась незаурядной согласованностью: «Уже сама выраженность преувеличений в ее женской биографии, в описании маскулинности ее друга (за которого Агнесса собиралась выйти замуж), „бесчувственности“ ее мужских гениталий и т. п. представляет постоянно подчеркиваемую черту: последовательно женскую идентификацию»¹⁵. Случай Агнессы, проанализированный Гарфинкелем, еще раз демонстрирует те трудности в оценке объективности данных, которые возникают при использовании биографического метода: любые искажения фактов здесь могут оказаться и результатом их намеренного сокрытия, и вполне «искренним» механизмом защиты личной самоидентичности (т. е. неотъемлемой частью реального «образа Я»), и результатом простой неосведомленности. Так, Гарфинкель отметил, что Агнесса поразительно мало знала о мужской гомосексуальности и при неоднократных попытках обсуждения этой темы, несмотря на явный интерес и эмоциональность восприятия разговора, просто не могла объяснить, как она воспринимала признаки гомосексуальных интересов у других мальчиков. Она также отказывалась провести какие-либо сравнения между собой и гомосексуальными мужчинами либо трансвеститами, хотя легко и охотно сопоставляла свой статус со статусами нормального мужчины или нормальной женщины. Исследователь был лишен возможности услышать рассказы других участников событий, однако добросовестно зафиксировал особое мнение одного из урологов, не участвовавших непосредственно в лечении Агнессы. Этот человек полагал, что решение об операции было медицинской и этической ошибкой, результатом мистификации, ссылаясь на весьма неоднозначные медицинские признаки и даже на то, что у случайно встреченного им жениха Агнессы была отнюдь не мужественная внешность. Изрядно времени спустя, когда исследовательский проект был успешно завершен, книга Гарфинкеля находилась в печати, а бывшая пациентка уже более пяти лет вела активную жизнь молодой, привлекательной и сексуально благополучной женщины, Агнесса посетила ученых и сообщила, что никогда не имела абсолютно никаких биологических дефектов, которые вели бы к феминизации в подростковом возрасте. Просто с 12 лет она тайно принимала эстрогены (женские половые гормоны), прописанные ее матери после серьезной хирургической операции. К частным архивным материалам, используемым при изучении «истории жизни», относят преимущественно личные записи и документы. Основной тип частного документа — это автобиография. (К

автобиографиям относятся и те детальные жизнеописания, которые создаются по просьбе исследователя.) Существуют заметные различия между автобиографией, написанной в расчете на дальнейшую публикацию, и автобиографией, обращенной лишь к узкому кругу близких. Если в первом случае преимуществом является большая фактическая достоверность и «читабельность» изложения, то во втором обычно имеет место высокая степень раскрытия личного отношения к пережитому, особое стремление мотивировать совершенные выборы и поступки. Как и основанные на автобиографических сведениях «истории жизни», сами автобиографии могут быть разделены на полные, тематические и отредактированные. Тематические автобиографии, в отличие от полных, ориентированы на определенную сферу личного опыта или период жизни (ср., например: «Моя жизнь в искусстве» и «Подлинная история моей жизни»). Достоинство автобиографий — большая достоверность в описании личностной «подкладки» событий. Однако нужно всегда помнить о том, что автобиография—это реконструированная субъектом в определенный момент жизни история. Здесь особенно вероятны смещения и ошибки, вызванные и стремлением рационально мотивировать любой поступок с точки зрения «сегодняшнего» мировосприятия, и необходимостью придать повествованию некоторую литературную форму. Методологическая триангуляция, о которой говорилось выше, становится единственным средством достижения достоверности и объективности при анализе «историй жизни», основанных на автобиографических данных. Иными словами, автобиографические данные должны интерпретироваться в контексте сведений, полученных из иных источников. К частной архивной документации относятся также дневники, частные записи, мемуары, личные письма, записи разговоров и т. п. Дневник и мемуарные записки иногда трудно различимы: можно считать, что мемуары в целом отличает более безличный стиль изложения и необязательность линейного и упорядоченного описания сменяющих друг друга во времени событий. Повышение достоверности «историй жизни», основанных на такого рода личных (иногда говорят — «экспрессивных») документах, как дневниковые и мемуарные записи, требует, как и в ранее описанных случаях, привлечения дополнительных источников, использования специальных приемов критического анализа (в том числе критической оценки экспрессивного документа как исторического источника, как литературного текста и т. п.). Важным подспорьем здесь могут оказаться не столько экспрессивные, сколько функциональные личные документы — расписания, черновики, планы работы, записи финансовых поступлений и расходов. Личные письма также могут рассматриваться как важный источник биографических данных. Письмо может рассказать достаточно важные вещи не только об его авторе, но и о получателе и взаимоотношениях между первым и вторым. И стиль, и способ изложения, и частота переписки могут быть столь же информативны, как и собственно содержание письма. К сожалению, современная социология довольно мало внимания уделяет этому типу личной документации, хотя литературоведение и история дают немало примеров использования личной переписки в качестве полезного источника данных. Важным дополнительным источником биографических данных являются также официальные архивные документы: записи актов гражданского состояния (рождения, смерти, браки), правительственные документы, данные социальной статистики, архивы политических, общественных организаций и административных органов. В ведомственных архивах могут быть обнаружены важные биографические документы, связанные, в первую очередь, с

профессиональной карьерой: личные листки по учету кадров, сведения о наградах и взысканиях, характеристики. Большой интерес представляет документация медицинских учреждений, органов юриспруденции, однако в этом случае необходимо принимать во внимание и существующие обычно жесткие ограничения на доступ к таким источникам, и этические соображения. Анализ и интерпретация биографического материала В начале этой главы мы говорили о том, что «истории жизни», биографический метод — это, по сути, разновидность этнографического метода, имеющая дело с анализом «индивидуального случая». Поэтому нам нет нужды детально обсуждать возможности анализа и интерпретации этнографических данных, рассмотренные в главе, посвященной включенному наблюдению. Все, что было сказано об интерпретативном подходе, аналитической индукции, типах понятий и требованиях к валидности в полной мере применимо и к биографическому методу. Здесь мы остановимся лишь на тех проблемах, которые возникают в связи с «индивидуальной» природой биографических данных. Применение причинных моделей к анализу «историй жизни» требует использования процедур аналитической индукции (см. с. 39-40). Роль негативных, опровергающих примеров в этом случае особенно существенна: обобщения, построенные на нескольких «историях жизни», могут быть уточнены, дополнены или опровергнуты лишь при сопоставлении с новыми, отобранными по теоретически-релевантным признакам, случаями. Излишне говорить о необходимости обоснования «типичности», репрезентативности отобранных для изучения индивидуальных случаев. Здесь применимы идеи теоретической выборки, рассмотренные в главе о включенном наблюдении. Например, в исследовании изменения семейных взаимоотношений и циклов семейной жизни (См.: Syngé J. Cohort Analysis in the Planning and Interpretation of Research Using Life History // Bertaux D. (ed.) *Biography and Society*. Beverly Hills, 1981. P. 235-249), сбору «историй жизни» предшествовал детальный анализ доступных демографических данных о межклассовых и поколенческих различиях по таким параметрам, как размер семьи, время рождения самого младшего ребенка и его отделения от родительской семьи и т. п. В результате исследователи сочли возможным ограничиться 130-ю биографическими интервью с мужчинами и женщинами, рожденными в конце 1890 — начале 1900-х гг. в канадском городке Гамильтон (Онтарио) и его окрестностях. Квотная выборка репрезентировала три типичные социальные группы — городской средний класс, городских рабочих и фермеров. Те соображения, которые ранее были высказаны применительно к внешней и внутренней валидности этнографических данных, применимы и к «историям жизни». В целом биографический метод особенно уязвим для критики, указывающей на наличие таких угроз внутренней валидности, как субъективные смещения и историческая эволюция субъектов. Все респонденты, рассказывающие свои «жизненные истории», анализируют свое прошлое (и предугадывают будущее) с точки зрения конкретного, «вот этого», момента своего личностного развития, обычно стремясь дать социально-одобряемую и согласованную картину жизни как целого. К тому же социолог должен помнить о том, что сама форма биографического повествования — литературная по сути и корням — подталкивает субъекта к использованию популярных биографических канонов, расхожих «сценариев» (например, «история успеха», «рассказ о поиске личностной идентичности», «жизнь прирожденного неудачника» и т. п.). С этой точки зрения «хорошая» биография не должна быть излишне согласованной во всех деталях. Использование интерпретативных моделей в анализе биографических данных, как мы неоднократно

отмечали выше, ориентировано не столько на выведение общих объяснений и причинных закономерностей, сколько на понимание субъективного смысла событий с точки зрения деятеля. Однако и в этом случае достоверность интерпретации зависит от сопоставления сведений, полученных из разных источников, и критической оценки личных сообщений. Фактически биографический метод ведет исследователя к тем же проблемам, что и метод историографический. Здесь часто необходимы и оценка достоверности и подлинности личного документа, и соотнесение с другими свидетельствами, а иногда — и установление авторства. Биографический метод по определению историчен — используя документы прошлого, он стремится к созданию убедительного исторического объяснения полученных сведений. Поскольку историографией называют всякую попытку реконструкции прошлого на основе документальных данных, «история жизни» — тоже форма историографии (Классический анализ этого вопроса см.: Goffschalk L., Kluckhohn C., Angell R. *The Use of Personal Documents in History, Anthropology, and Sociology*. N. Y.: Social Science Research Council, 1945. "Denzin N. Op. cit. P. 202-203). Источники данных в историографии принято делить на первичные и вторичные. К первичным относят те источники, которые содержат непосредственные свидетельства очевидцев или прямых участников событий, а ко вторичным — свидетельства или рассказы тех, кто не присутствовал при описываемых событиях. В историографии принято считать более надежными те документы, автор которых ближе включен в описываемую ситуацию и дает описание «из первых рук». Кроме того, выше ценятся свидетельства более опытного и искушенного наблюдателя, иными словами, — эксперта. Многие авторы полагают, что достоверность и надежность документов тем выше, чем уже аудитория, к которой адресуется автор, т. е. по мере роста предполагаемой аудитории автор все больше оказывается под влиянием тенденции описывать события в апологетическом и драматическом ракурсе: интимная исповедь постепенно превращается в пропаганду. Для социолога, использующего личные документы, определенный интерес представляют и те приемы критики источников и установления их подлинности, которые традиционно применяются в историографии (См., в частности: Блок М. *Апология истории, или Ремесло историка*, 2-е изд., доп. М.: Наука, 1986. Гл. 3. «Критика»). Во-первых, речь идет о проверке подлинности (несфальсифицированности) текста установлении его авторства. Если для социолога, имеющего дело с «живым» рассказом, эти проблемы сравнительно малозначимы, то использование личных документов «в отсутствие» субъекта выдвигает их на первый план. Исследователь должен убедиться в том, что документ является именно тем, за что его принимают (например, предсмертной запиской, а не наброском поэмы), а также определить принадлежность документа данному автору. Для такой проверки используются и внешние материальные признаки — почерк, бумага, место хранения, и формальные характеристики текста — стиль изложения, лексические характеристики, отсутствие анахронизмов. Немаловажное значение имеет обоснованность интерпретации текста с точки зрения его характера, целей написания, предполагаемой аудитории и — шире — его социального контекста. Наконец, даже последовательно интерпретативная трактовка биографического метода не избавляет от необходимости проверить фактическую правдивость содержащихся в биографических документах сведений. Как известно, даже один из основателей интерпретативного подхода в социологии (У. Томас) полагал, что самые радужные перспективы для социологии откроются по мере развития надежной государственной системы учета

личных сведений о гражданах. Конечно, и расшифровка смысла документа, и установление его подлинности никогда не бывают окончательными. Наша способность к пониманию биографических и — шире — исторических событий всегда ограничена и доступным нам смысловым горизонтом социального действия, и принимаемыми теоретическими схемами. Один из подходов к объективному анализу исторических данных и поступков деятеля — это известная концепция «идеальных типов», М. Вебер понимал под идеальным типом некую социокультурную модель, служащую орудием теоретического понимания. Идеальный тип — это не гипотеза, и не исторически конкретное описание фактов, а сугубо теоретическая, абстрактная конструкция, которая может и не существовать в реальности, но позволяет ученому понять и объяснить реальность. Идеальный тип — это отнюдь не что-то более совершенное и идеально соответствующее норме. Это скорее намеренно преувеличенное и одностороннее описание собственной точки зрения социолога, его видения смысла поступков деятелей: «Этот мысленный образ сочетает определенные связи и процессы исторической жизни в некий лишенный внутренних противоречий космос мысленных связей. По своему содержанию данная конструкция носит характер утопии, полученной посредством мысленного усиления определенных элементов действительности... Задача исторического исследования состоит в том, чтобы в каждом отдельном случае установить, насколько действительность близка такому мысленному образу или далека от него...» (Вебер М. Избранные произведения: Пер. с нем. / Под ред. Ю. Н. Давыдова. М.: Прогресс, 1990. С. 389-390). Примерами идеальных типов могут служить «нуклеарная семья», «капитализм», «целерациональное действие» и т. п. Конструирование «идеально-типических» понятий (всегда «далеких от опыта») может стать шагом к построению собственно эмпирически проверяемых гипотез. Н. Дензин предложил общую схему анализа и описания «историй жизни»: «Шаг 1: Отберите исследовательские проблемы и гипотезы, которые могут быть исследованы и проверены с помощью истории жизни. Шаг 2: Отберите субъекта или субъектов и определите, в какой форме будут собраны биографические данные. Шаг 3: Опишите объективные события и переживания из жизни субъекта, имеющие отношение к интересующей вас проблеме. Эти события подлежат оценке с точки зрения различных источников и перспектив (триангуляция) таким образом, чтобы противоречия, непоследовательность и нерегулярность стали очевидны. Шаг 4: Получите от субъекта его интерпретации этих событий, следуя естественному, или хронологическому, порядку. Шаг 5: Проанализируйте все утверждения и сообщения с точки зрения их внутренней и внешней валидности... (Проверьте достоверность источников.) Шаг 6: Примите окончательное решение о достоверности вышеупомянутых источников и установите приоритетные источники для последующей проверки гипотез. Шаг 7: Начните проверку предварительно сформулированных гипотез, поиск опровергающих примеров. Продолжайте модифицировать эти гипотезы, выдвигать новые и проверять их. Шаг 8: Составьте черновой набросок всей „истории жизни“ и ознакомьте с ним исследуемых, чтобы узнать их реакцию. Шаг 9: Переработайте исследовательский отчет, изложив события в их естественной последовательности и учтя замечания исследуемых субъектов. Представьте в отчете те гипотезы и предположения, которые получили подтверждение. В заключении остановитесь на теоретической значимости ваших выводов и перспективах дальнейшего исследования» (Denzin N. Op. cit. P. 205). Эта схема может служить ориентиром в работе с биографическими данными.

Дополнительная литература: Альмодавар Ж. Рассказ о жизни и индивидуальная траектория // Вопросы социологии. 1992. Т. 1. № 2. Бургос М. История жизни. Рассказывание и поиск себя // Вопросы социологии. 1992. Т. 2. № 2. Блок М. Ремесло историка, или Апология истории, 2-е изд., доп. М.: Наука, 1986. Гл.3. Журавлев В. Ф. Нарративное интервью в биографических исследованиях // Социология: 4М. 1993-1994. № 3-4. Знанецкий Ф. Мемуары как объект исследования // Социологические исследования. 1989. № 1. Козина И. М. Поведение работников на рынке труда. Способы трудоустройства и личные стратегии занятости // Реструктурирование занятости и формирование локальных рынков труда в России. М., 1996. С. 84-107. Козлова Н. Н. Крестьянский сын: Опыт биографического исследования // Социологические исследования. 1994. № 6. С. 112-123. Оболенская С. В. «История повседневности» в историографии ФРГ // Одиссей. Человек в истории. М., 1990. С. 182-197. Рождественский С. Подходы к формализации жизненных историй качественными методами // Судьбы людей: Россия XX век. Биографии людей как объект социологического исследования / Отв. ред. В. Семенова, Е. Фотеева. М., 1996. С. 412-422. Тернер Р. Сравнительный контент-анализ биографий // Вопросы социологии. 1992. Т. 1. № 1. Томпсон П. Гуманистическая традиция и жизненные истории в Польше // Биографический метод в социологии: история, методология, практика / Ред. колл.: В. В. Семенова, Е. Ю. Мещеркина. М., 1993. С. 51-62. Томпсон П. История жизни и анализ социальных изменений // Вопросы социологии. 1993. № 1-2. С. 129-138. Фукс-Хайнриц В. Биографический метод // Биографический метод в социологии: история, методология, практика / Ред. колл.: В. В. Семенова, Е. Ю. Мещеркина. М., 1993. С. 11-41. Хоффман А. Достоверность и надежность в устной истории // Биографический метод в социологии: история, методология, практика / Ред. колл.: В. В. Семенова, Е. Ю. Мещеркина. М., 1993. С. 42-50.